

УДК 929

Т. Н. Горина

АДРЕСА ГЕОРГИЯ БАЛАНЧИВАДЗЕ
В ПЕТЕРБУРГЕ — ПЕТРОГРАДЕ

Мы все петербуржцы —
Все те, кто воспитывался в этой Школе.

Дж. Баланчин

Мистер Би («Mr B»), как кратко, но тем не менее уважительно называли Джорджа Баланчина американцы, родился 22 января 1904 г. в Санкт-Петербурге и прожил на берегах Невы двадцать лет. Изучая по просьбе его брата, Андрея Баланчивадзе, происхождение родовой фамилии, патриарх грузинского языкознания, лингвист, выпускник Петербургского университета Акакий Шанидзе пришел к выводу, что *баланчами* в Средневековой Иверии называли шутов и лицедеев, подвизавшихся при царском дворе. Впрочем, кавказцем Георгий являлся лишь наполовину. У него была русская мама, а дома в петербургской семье все всегда говорили по-русски. Впервые на родину предков по мужской линии Дж. Баланчин прилетел в 1962 г. (с гастрольным турне своей труппы «New York City Ballet» в Тбилиси). Беседуя с музыковедом-эмигрантом Соломоном Волковым, классик XX в., национальное достоинство США, Дж. Баланчин утверждал: «По крови я грузин, по культуре — скорее, русский, а по национальности — петербуржец» [1, с. 63].

Петербургский менталитет, алгоритм Великого города, оставались жить в нем всегда. Вся его неоклассика произрастала из архитектурного кода Петербурга. Мариинский балет (и не только «Ballet Imperial») расцветал в большом стиле его хореографии.

Собственно Баланчин помнил три разных города — Петербург, хранящий отзвук шагов П. Чайковского, Петрополь Серебряного века и Петроград революции. Детство Георгия протекало в Литейной части. Так, согласно адресным книгам, с 1904 г. семья квартировала в Басковом переулке, в доме под номером 23¹. Скромное доходное здание архитектор Б. Е. Огородников построил в 1899 г. Индивидуальность ему придает выступающий эркер и высокие окна.

В 1909 г. семейство переехало на Суворовский пр., 47. Дом в стиле эклектики с элементами модерна (архитектор С. А. Баранкеев, 1903) запомнился пятилетнему Георгию соседством с Николаевской Военной Академией и прогулками с бонной-немкой в Суворовском саду (сквер этот возник вокруг деревенского храма, привезенного из имения Кончанское полководца А. Суворова).

¹ К 100-летию со дня рождения Дж. Баланчина в 2004 году в Петербурге открыли мемориальную доску на доме № 18 по 4-й Советской ул. Но в справочниках «Весь Петербург» этот адрес не значится.

Православные Баланчивадзе числили себя прихожанами церкви Рождества Христова, что высилась на 6-й Рождественской улице (снесена в 1934 г.). «В веру нельзя прыгать как в бассейн. В нее надо входить постепенно, как в океан. Это надо делать с детства», — повторял в американских интервью Баланчин [1, с. 42]. Там же он описывает встречу Пасхи во Владимирской церкви, куда он хаживал с тетушкой и матерью.

Родители собирались отдать Георгия в один из столичных кадетских корпусов. Его дядя, полковник Иван Баланчивадзе, специально готовил племянника по каким-то предметам. Однако придя с сестрой Тамарой на вступительный экзамен в Императорское Театральное училище, Георгий сразу понравился высокой комиссии и был в 1913 г. зачислен на балетное отделение. Со второго года обучения он был взят в «казну», то есть жил в интернате, находясь на полном государственном обеспечении.

Поначалу Георгий заметно скучал по родным; однажды, обманув швейцара, он исчез из Училища, но, схитрив, пошел не сразу домой, а направился к тетушке Надежде (родственнице матери). Разумеется, после всех треволнений беглеца вернули в Училище на Театральную улицу.

Отроком Георгий еще застал колоссальный репертуар Мариинского театра, одновременно с запада доносились вести о триумфе «Русских сезонов» Сергея Дягилева.

Впервые на Императорские подмостки воспитанник Баланчивадзе шагнул в шедевре Чайковского-Петипа «Спящая красавица». На сцене в роскошной декорации предстала сказочная королевская семья, а по другую сторону рампы в золоченом зрительном зале восседала августейшая фамилия Романовых в окружении свиты и всего столичного бомонда. Балетный воспитанник в костюме Амура, взирая на великолепное зрелище, осознавал, что балет — это серьезное дело, что лишь принося ему дань профессионализма он сможет быть причастен к вершинам мироустройства.

Однако поездки в придворных каретах для участия в спектаклях бывали не каждый день. Школьные будни «казеннокоштных» мальчиков проходили на третьем этаже россиевского корпуса (если смотреть по фасаду). Девочки же жили и учились на втором; встречались вместе только на общих репетициях. Целый штат воспитателей, врачей, поваров, прачек пестовал этот придворный цветник. Баланчин на склоне лет признавался, что слуги в ливреях даже застилали за ними постели. Мальчики гордились красивыми синими мундирчиками с лирами на воротниках и фуражках. Белая фарфоровая посуда с синими вензелями разнообразила казенные трапезы. Впрочем, Баланчивадзе, выросший на вкусной маминей еде, с ностальгией вспоминал и школьные «абрикосовые пирожные», битки в сметане по четвергам и «николин шоколад» в серебряной коробочке, которым детей одаривали на царские именины. Кстати, до конца дней Баланчин предпочитал сорт шампанского «Roederer Cristal», который любил последний русский император. Вот такой, можно сказать, кулинарно-эстетический монархизм исповедовал маэстро.

Статус закрытого учебного учреждения диктовал свои ритуалы и неписанные правила. Маленькие всегда обращались к старшим ученикам на «вы». Рыцарскому

отношению к даме, балетной танцовщице, Баланчивадзе учился у столпов академизма, премьеров — С. Андриянова и П. Гердта.

В традициях Школы было «обожание» балерин. Как пресловутый Парис, Георгий колебался между тремя именами — музой дягилевских сезонов Тамарой Карсавиной, наследной принцессой балетной династии — Елизаветой Гердт, супругой востребованного хореографа Б. Романова — Еленой Смирновой.

Култ умершего в 1910 г. Мариуса Петипа ощущался везде. Его репетиционное кресло по-прежнему стояло в зале. Ученики всерьез верили, что если ночью, рискуя встретить привидение или дежурного воспитателя, прокрасться в заветное место и посидеть в кресле, то судьба в балете состоится. Вероятно, дух Петипа все-таки благословил юного Баланчивадзе, ибо крепко усвоив классические премудрости, он всегда смотрел в будущее.

Императорская Школа на Театральной улице-красавице, воплощавшей каноны русского ампира, стала для Георгия родной семьей и домом. Родители его тогда поселились в Финляндии (в местечке Лунатиокки). У петербуржцев это называлось «дальней дачей», многие жили так круглый год. На каникулы и праздники Жорж, как стали называть его одноклассники, приезжал к семье. Если тетка не забирала его на выходные дни, подросток коротал длинные вечера в Училище за чтением приключенческих книг, молитвами в храме Св. Троицы.

Политические события 1917 г. грозили гибелью не только бывшему придворному балету, но и российской государственности. Уличные бои в Петрограде, голод, разруха вынуждали взрослых людей принимать непростые решения. Так, глава клана Баланчивадзе — композитор, педагог Мелитон Антонович, которого окрестили «грузинским Глинкой», никогда не забывал своих национальных корней. Он регулярно устраивал музыкальные «грузинские вечера». Человек азартный, эпикурец, Мелитон поддерживал земляков, развивающих в Петербурге ресторанный бизнес. В Луге он затеял строительство тигельного завода, но проект прогорел, а должника посадили на два года в печально-знаменитую петербургскую тюрьму «Кресты».

В 1918 г. Мелитон Баланчивадзе покинул Петроград, чтобы принять портфель министра культуры в новоиспеченном грузинском правительстве. С ним в Тифлис уехали его дети — Тамара и Андрей. Жена-петербурженка — Мария Николаевна задержалась у сестры, проживавшей на Большой Московской улице.

Зимой 1917–1918 гг. занятия в бывшем Императорском училище прекратились на несколько месяцев. Но Жорж с упорством фаталиста дожидался возобновления уроков. В тот период многим надо было просто суметь выжить. Жорж начал подрабатывать курьером, тапером в кинотеатрах (благо с 5-ти лет обучался игре на рояле).

Революционный вихрь поменял многое — привычную орфографию, юлианский календарь, исторические названия улиц. Церковь декретом советской власти отделили от государства, но бывший настоятель храма Театрального ведомства Василий Пигулевский не оставлял своей паствы. В дортуарах училища он помог быстро соорудить печки-буржуйки; с ватагой балетных мальчиков вечерами добывал топливо: в ход шли уцелевшие заборы, деревянные торцы из мостовой. С продовольствием помогали иностранные благотворители.

Басков пер., д. 23

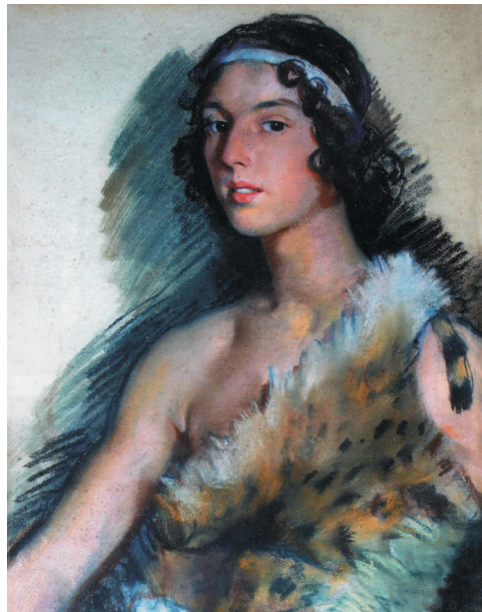
Суворовский пр., д. 47

Графский пер., д. 5

Фотография Г. Баланчивадзе с сестрой Тамарой и братом Андреем

Серебрякова З. Портрет Г. Баланчивадзе в роли Вакха

ТЕАТР

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

НОМЕР 11

Г. М. БАЛАНЧИВАДЗЕ
К возрождению „Молодого балета“.

Цена 30 коп. золотом

11 декабря 1923

Обложка журнала «Театр»

ПЯТНИЦА 1 ПЯТНИЦА 1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕАТР
б. Александровский зал Городской Думы, Пр. 25 Октября, № 33.

ВЕЧЕРА
АКАДЕМИЧЕСКОГО
МОЛОДОГО БАЛЕТА
ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

УЧАСТВУЮТ (по алфавиту): А. Д. Доникова, Е. В. Енисеева, Гидия Иванова, Н. Костровицкая, Н. Лисовская, Н. Ф. Молодзинская, О. П. Мунгалова, Н. А. Никиткина, Н. Стуколкина, Л. М. Тютинина, Г. М. Баланчивадзе, Л. Н. Балашов, П. А. Гусев, Н. П. Ефимов, Д. Н. Кирсанов, Л. ЛАРОВСКИЙ и М. М. МИХАЙЛОВ.

В ПРОГРАММЕ:

Adagio	-	-	муз. Чайковского, постан. Петипа.
„Умиравший лебедь“.	„	Сен-Санса,	„ Баланчивадзе.
Романс	-	„	Рубинштейна.
Поэма	-	„	Фибиха,
Идиллия	-	„	Давыдова,
Adagio	-	„	Сен-Санса,
„Valse et adagio“	-	музыка и постановка	Лисовской.
Adagio	-	„	Глазунова,
Матлот	-	„	Зуева,

Завед. художественной частью вечера **Г. М. Баланчивадзе.**
Рояль Н. В. ГЕНЕР. **Скрипка Н. КАРАНТ.**

Начало ровно в 8½ час. веч.

Цены местам от 8 руб. и дороже. — Предварительная продажа ежедневно в кассе театра с 5 до 8 час. вечера и в Центральной кассе (Проспект 25 Октября, д. № 23).
В день концерта продажа билетов с 1 часа дня — в кассе театра.

Афиша «Молодого балета»

Когда закрыли интернат, Жоржа приютил у себя на квартире инспектор Училища Г. Г. Исаенко (таким образом, Баланчивадзе продолжал оставаться жильцом Театральной улицы). В прошлом, до революции, Григорий Григорьевич был провинциальным антрепренером. В роли инспектора он прославился строгостью к подчиненным и эксцентричностью поведения. Жилище его напоминало холостяцкую берлогу: на дорогой палисандровой мебели валялись вещи. Хозяин запрещал наводить порядок, а его костюмы, плащи ученики регулярно относили на барахолку, чтобы обменять на что-нибудь съестное.

Исаенко сразу разглядел хрупкость Баланчивадзе (туберкулез легких уже начинался), его одаренность, музыкальность. Именно инспектор настоял, чтобы Жорж параллельно обучался в Петроградской консерватории (по классу фортепиано у Софьи Цурмюллер).

В марте 1918 г. большевистское правительство без лишних проводов покинуло красный Питер, объявив столицей Москву. Однако нарком просвещения А. В. Луначарский регулярно посещал Училище, добывал пайки; летом всех вывезли на дачу в Детское село, разместив в опустевшем дворце Юсупова. Как-то, беседуя с Исаенко, Луначарский настоятельно рекомендовал заняться в Школе мейерхольдовской биомеханикой. Тогда Исаенко скомандовал пробегающему мимо Петру Гусеву: «Умри!» — и тот, рухнув на пол, лежал в коридоре, пока не последовало разрешение: «Встать! Бегом марш!». «Это биомеханика, А. В., как видите, мои ученики все знают и могут», — с усмешкой похвастался инспектор.

Активно работал Школьный театр, где состоялись балетмейстерские дебюты Баланчивадзе. Принятый в кордебалет Мариинского театра, Георгий одновременно становится (1922 г.) лидером объединения «Петроградский академический Молодой балет». С концертной программой «Эволюция балета: от Петипа через Фокина к Баланчивадзе» они выступали повсюду — в бывшей Городской думе, в Сестрорецком курзале, в цирке Чинизелли, в гранд-отеле «Европа». Однажды в Павловске кто-то шутя крикнул: «Последний поезд уходит!» В зрительном зале возникла сумятица, но артисты оставались на сцене. Гонорары выплачивались совзнаками или продуктами.

В группу «Молодой балет» влилась частная ученица Е. Соколовой, студентка открывшихся в Училище Вечерних курсов — Тамара Жевержеева. Мать ее была шансонетной актрисой, «дамой с камелиями», отец — Левкий Жевержеев владел парчово-ткацкой фабрикой, которая в его особняке (Графский пер., 5) занимала два верхних этажа. С юности Левкий Иванович собирал живопись, театральные реликвии. Рядом с родительским домом (на Троицкой ул., 18) построил театр (ныне в том же здании размещается додинский Малый драматический театр).

Когда революция экспроприировала его семейный бизнес, Жевержееву разрешили открыть в собственном особняке Декоративный институт. В жевержеевские хоромы с угловой башенкой Жорж въехал на правах зятя. К его услугам было великолепное пианино, первые издания редких книг, на стенах картины, включая полотна Ренуара.

Венчались молодые в Школьной домово́й церкви. 16-летняя невеста сокрушалась, что ее свадебное платье было не белым, а голубого цвета. Жених же,

позаимствовав свой фрак в костюмерной, оттенил гримом глаза так, что стал похож на героя немой фильмы. К свадьбе, если верить Тамаре, из Тифлиса прибыли отец и брат Георгия. Впрочем, вскоре Тамара с мужем переехали на Мойку, арендовав там двухкомнатную квартиру. Этим последним адресом Баланчивадзе в Петрограде — Ленинграде, судя по мемуарам его жены, мог являться дом Адамини (Мойка, 1). Окна их жилища на втором этаже выходили «на церковь и Академию национальных искусств, где еще до революции отец построил часовню». [2, с. 251]. Ныне в часовне открыт «Музей камня», в Академии по-прежнему учатся студенты, а церковь — это, разумеется, Спас на крови.

Жорж оставался равнодушным к усилиям Тамары свить уютное гнездо. Теща поделилась с ними фамильной мебелью и предлагала забрать свадебный хрустальный сервиз. Но Баланчивадзе больше заботило то, что в родном театре ему не торопятся давать постановки. Правда, регулярно поступали заявки на сочинения танцев в драматических спектаклях Александринки и Свободного театра.

Летом 1924 г. Баланчивадзе с наиболее верными сотоварищами — Т. Жевержеевой, Н. Ефимовым, А. Даниловой отправился на гастроли в Германию, чтобы там «показать новый русский балет».

Ступив с набережной Лейтенанта Шмидта на борт немецкого судна, Баланчивадзе последний раз оглянулся на панораму дельты Невы. Поездка в отпускное время обернулась для всех авантюрой. Крупье из нэпманского казино, в прошлом оперный певец Дмитриев, не имел в Германии никаких долгосрочных договоренностей. Срок визы закончился. Впереди была эмиграция.

В Нью-Йорке Баланчин, выступая очевидцем событий в Питере, не раз повторял: «После смерти В. И. Ленина в России стало скучно жить». Но покидал Жорж Баланчивадзе не умирающий город, а центр нового искусства. Его современниками были Тынянов, Эйхенбаум, Ахматова, ФЭКС, Малевич, Филонов, Хармс, Шостакович, Радлов, Мейерхольд, Лопухов, Соллертинский, Слонимский (последний брал у него уроки классического танца). В Петроградской балетной школе подрастали Семенова, Уланова, Вечеслова, Дудинская...

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С. Страсти по Чайковскому. Разговоры с Дж. Баланчиным. М.: Издательство Независимая газета, 2001. 224 с.
2. Жевержеева Т. Воспоминания. М.: СканРус, 2007. 302 с.